

Ники Остин

Я выбираю её



Ники Остин
Я выбираю её

«Автор»

2026

Остин Н.

Я выбираю её / Н. Остин — «Автор», 2026

1975 год. Греческий остров Гидра. Четверо молодых американцев сбегает из душного Манхэттена в поисках первозданной природы и творческого вдохновения. Здесь, среди суровых скал и слепящего южного солнца, успешный актёр Райан встречается Ариадни — девушку с безупречным английским, таинственной грустью в глазах из старинного рода судовладельцев. Эта встреча навсегда изменит его жизнь, но судьба приготовила для их компании жестокие испытания. 1990 год. Гавайский остров Кауаи. Спустя пятнадцать лет Райан — сломленный потерями, уставший от голливудской фальши и нападок прессы затворник. Он воспитывает дочь Хлою и пытается спрятаться от призраков прошлого в тропическом раю. Но у океана свои планы. Однажды сентябрьским вечером на пирсе он встречается незнакомку с белой плюмерией в волосах. Она не узнаёт в нём мировую звезду, но говорит с едва уловимым, до боли знакомым греческим акцентом... Сможет ли разбитое сердце ожить там, где время замедляет свой бег, а прошлое внезапно рифмуется с настоящим?

© Остин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Я выбираю её

Глава 1

Рейсовый пассажирский корабль из Пирея сделал последний поворот, оставляя позади открытые воды Саронического залива. На открытой палубе теснились у поручней друзья Райана — всем им едва перевалило за двадцать. С развевающимися на ветру длинными волосами, в джинсах-клёш и с фотоаппаратами на шеях, они жадно всматривались в горизонт. После шума, смога и бетонных кварталов Афин 1975 года то, что открывалось их взору, казалось настоящей капсулой времени.

Корабль сбавлял ход, приближаясь к узкому проходу в закрытую бухту. Остров вырастал перед ними исполинской безводной скалой цвета охры и серого гранита. Ни деревьев, ни привычной зелени, которую они ожидали увидеть, здесь не было. Лишь абсолютная, дикая чистота камня, залитая ослепительным полуденным солнцем — тем самым великим греческим светом, о котором твердил их друг Лео. Он без конца описывал, как этот свет изменил живопись Брайса и Элен Марден всего несколько лет назад.

В Нью-Йорке Лео знал Брайса Мардена как художника тёмных, урбанистических, «бетонных» тонов. Но когда тот вернулся после первой поездки на Гидру и выставил новые работы, Лео испытал настоящий шок. В свежих полотнах пульсировало солнце, которого Лео никогда не встречал в Америке. Картины буквально задышали. Тогда он и понял: чтобы возродиться, искусству необходим контакт с первозданной природой, чистыми линиями и стихией.

Работы Мардена, пропитанные «светом Гидры», подействовали на него как магнит. Они открыли простую истину: если они останутся запертыми в душных манхэттенских студиях, их собственное видение омертвеет. Живопись Брайса перевернула внутренний компас Лео, и он убедил всю компанию бросить всё и отправиться в Грецию: Райана, который всегда предпочитал тишину природы шумным городским тусовкам, Джулиана, бредившего историями о греческих капитанах, и Марка, бунтаря по духу. Они ехали туда в поисках собственной души — точно так же, как когда-то сам Брайс.

И вдруг, стоило судну плавно скользнуть внутрь гавани, суровая скала уступила место настоящему архитектурному чуду. Прямо у самой воды амфитеатром возвышались величественные серые особняки, словно каменные стражи, обнимающие залив. По краям порта старые ржавые пушки времён Греческой революции все еще смотрели в море, будто декорации к историческому фильму.

На острове не было ни машин, ни асфальтированных дорог. Набережная встретила их живым, многоцветным человеческим морем. Погонщики в соломенных шляпах держали за узцы десятки осликов и мулов; местные рыбаки чинили сети прямо на палубах деревянных каиков. На их фоне резко выделялись приезжие — искушённые путешественники в сандалиях и просторных одеждах, неспешно проводившие время в кофейнях у самого причала. Шум автомобильных двигателей здесь полностью заменяли ритмичный стук копыт по каменной мостовой, громкие выкрики погонщиков и ласковый плеск волн о деревянные борта лодок.

Для Райана этот первый кадр стал настоящим откровением. Он мгновенно понял, почему минималист Брайс Марден нашел убежище именно здесь. Этому острову не требовались украшения: строгая геометрия домов и первозданная сила пейзажа сами по себе являлись искусством.

На Гидре не было густой растительности, способной сгладить суровый рельеф, — перед ними возвышалась почти голая скала. Райан был очарован линиями острова: идеальной горизонталью, где море сходилась с небом, строгими кубами каменных особняков и крутыми вер-

тикалями уличных ступеней. К слову, супруги Марден купили здесь свой первый небольшой дом всего пару лет назад, превратив Гидру в постоянный источник вдохновения.

Именно поэтому парни решили, что им непременно нужно поселиться в одном из бывших капитанских особняков. Оставалось только его найти. Компания уже направилась к ближайшей таверне, откуда маняще пахло жареной рыбой, чтобы расспросить местных, как вдруг Райан заметил на пристани девушку. Она провожала взглядом судно, державшее курс обратно в Пирей.

Незнакомка стояла у самого края пирса, мягко взмахивая рукой. На ней было легкое лазурное платье из жатой марлевки, прошитое золотыми нитями; на ветру оно буквально сливалось с палитрой неба и моря, вспыхивая искрами в солнечных лучах. Голову украшала необычная соломенная шляпа с высокой тульей, напоминающая цилиндр, из-под которой выбивались непослушные каштановые локоны. Этот головной убор выглядел изысканно, по-европейски, и в то же время надёжно защищал от палящего греческого зноя.

Пока Марк пытался удержать сползающий с плеча массивный чемодан, а Лео судорожно настраивал фокус на своём «Olympus», Райан застыл. Девушка повернулась в профиль, провожая взглядом уходящее судно, и её силуэт на фоне ослепительной воды казался кадром из культового французского кино. Райан сразу понял: подойти нужно именно к ней.

Друзья нагнали незнакомку, когда она уже собиралась уходить. На вопрос Райана, заданный на английском с легкой дорожной неловкостью, девушка открыто улыбнулась. Оказалось, она местная, но её чистая речь без грубого акцента сразу расположила к себе парней.

Когда друзья объяснили, что ищут именно старый капитанский особняк ради подлинной атмосферы Гидры, девушка понимающе кивнула и попросила их подождать.

Она перешла дорогу, направившись к уличному киоску, который стоял прямо на набережной, окутанный гирляндами свежих газет на бельевых прищепках. Он представлял собой небольшую деревянную квадратную будку, выкрашенную в характерный для Греции того времени тёмно-желтый цвет. Из крошечного окошка на них смотрел пожилой продавец с густыми седыми усами, окруженный неизменным сигаретным дымом вокруг головы, буквально зажатый лавиной товаров на площади меньше одного квадратного метра.

Как им потом объяснила Ариадни — так звали девушку, — в Греции владелец такого киоска, периптерас, знал едва ли не всё и обо всех. Через телефон в киоске проходили новости острова, поэтому свободный капитанский дом нашёлся быстро. Был лишь один сюрприз: особняк стоял почти на самой вершине холма, куда парням предстояло подниматься в разгар полуденного зноя.

— Только учтите, американцы, — Ариадни обернулась к парням, лукаво сощутив глаза из-под полей своей шляпы-цилиндра. — Капитанский дом нашёлся. Но на Гидре нет такси. И лёгкой дороги к нему тоже нет. Он на самом верху.

Она изящным жестом указала куда-то вверх, туда, где серые каменные кубы особняков врезались в пронзительно-синее небо. Парни переглянулись. Романтика Эгейского моря, навеянная минимализмом Брайса Мардена, внезапно столкнулась с суровой греческой реальностью. В 1975 году чемоданы ещё не делали на колёсиках — это были тяжёлые, массивные кожаные и фибровые прямоугольники с неудобными ручками, которые приходилось тащить на весу.

— Ну что, проверим нашу голливудскую форму? — Марк попытался поудобнее перехватить свой сползающий багаж, хотя его плотные джинсы-клёш уже казались совершенно не подходящими для этого марева.

Но, как оказалось, приносить себя в жертву не пришлось: Ариадни вовремя позаботилась о том, чтобы американские гости добрались до вершины в полном здравии. Пока они сомневались, она успела договориться с кир-Михалисом — пожилым, загорелым до черноты местным погонщиком. Мужчина уверенно вёл за узцы двух своих верных осликов. Именно эти маленькие, выносливые животные, навьюченные чемоданами всей четверки и тяжёлыми

художественными подрамниками Лео, теперь меланхолично цокали копытами по бесконечным каменным ступеням Киафы, пока вся компания, слегка запыхавшись, плелась следом.

Кир-Михалис, не говоривший по-английски, лишь добродушно ворчал что-то себе под нос, ловко понукая ослов. Ариадни шла рядом, налегке. Она ободряюще улыбалась уставшим иностранцам и увлечённо указывала на архитектурные детали старых стен и пышные цветы бугенвиллеи самых разных оттенков, мимо которых они проходили. Девушка шагала вперед легко, словно не замечая полуденного зноя, ведя их за собой в лабиринт крутых каменных ступеней — кальдерими. Её лазурное платье то и дело мелькало впереди, ярко контрастируя со спящими белыми стенами домов.

Райан шёл вровень с ней. Его долговязый силуэт и привычка проводить время на природе сейчас пришлись как нельзя кстати. Русые волосы окончательно растрепались от морского бриза, а зелёно-голубые глаза с явным интересом изучали их неожиданную спутницу.

— Тяжело? — спросила Ариадни, повернув к нему голову.

— В Нью-Йорке за нас всё делают жёлтые такси, — усмехнулся Райан, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Но ради такого вида... и такого проводника я даже готов дотащить этот груз на вершину Олимпа.

Она оценила ответ, задержав на нём взгляд чуть дольше обычного. Стук копыт по древним камням и прерывистое дыхание друзей позади теперь заменяли им весь шум оставленного за океаном мира. Они поднимались всё выше, и с каждым шагом порт Гидры внизу становился меньше, превращаясь в залитую солнцем живую картину, похожую на яркую открытку.

Когда они наконец достигли места, кир-Михалис умело разгрузил вещи прямо у выцветшей оливковой двери. Получив щедрые чаевые от Лео, он понимающе кивнул, похлопал своих осликов по бокам и начал неспешный спуск обратно к порту. Ариадни помогла занести вещи внутрь. Она показала, как работают тяжелые старинные замки, где найти чистые льняные простыни, и пообещала вернуться чуть позже, когда они немного придут в себя после дороги, чтобы проверить, всё ли у них в порядке.

Дом стоял на самой вершине холма, в районе Киафа, куда не доносился шум порта, а только свист ветра и далёкие крики чаек. Это было старое двухэтажное строение из крупного серого камня, который за долгие века выгорел под греческим солнцем до серебристого оттенка.

Тяжёлая деревянная дверь, окрашенная в глубокий оливковый цвет, со скрипом отворилась, впуская уставших после крутого подъёма американцев во двор, выложенный большими тёсаными плитками. Часто в архитектуре острова в ход шёл так называемый гидросский туф или мальтийский камень, который капитаны привозили на своих кораблях — он имел более тёплый, землистый или слегка красновато-жёлтый оттенок. Ариадни указала на мраморные горловины подземных резервуаров, расположенные посередине двора. Двор имел лёгкий уклон, чтобы дождевая вода собиралась и стекала напрямиком в них, ведь на Гидре никогда не было и нет собственных природных источников.

Внутри дом дышал прохладой и благородной простотой. Пространство казалось огромным: непривычно высокие потолки с обнажёнными балками из каштана, побеленные известью стены и полы из широких, скрипучих досок, по которым хотелось ходить только босиком. Обстановка была минималистичной, почти аскетичной — несколько старинных деревянных стульев, массивный стол у окна и кованые кровати. Здесь не было ничего лишнего, что могло бы отвлечь взгляд от подлинной драгоценности этого места.

Истинным сокровищем дома была большая крытая каменная веранда в виде галереи, расположенная на верхнем этаже. Это полуоткрытое пространство, вымощенное большими

мраморными плитами, поддерживали массивные каменные колонны. Сейчас, в летнюю жару, оно дарило прохладную тень, а зимой укрывало от проливных дождей.

Когда Райан вышел на веранду, у него перехватило дыхание. Отсюда, с головокружительной высоты, открывался панорамный вид, который Лео мгновенно окрестил «живым холстом». Перед ними расстилались синие воды Саронического залива, чья гладь к вечеру становилась глубокой, почти чернильной, сливаясь на горизонте с открытым морем. Далеко внизу порт Гидры казался игрушечным: крошечные мачты каиков покачивались на воде, а белые и серые кубики домов спускались к причалу, словно ступени гигантского амфитеатра. В этот час солнце медленно уходило за край земли, окрашивая небо в невероятные тона золота и пурпура, и этот чистый, пронзительный свет заливал всю галерею.

Ариадни, как и обещала, пришла вечером, чтобы проверить, всё ли у новоприбывших в порядке. Друзья выразили ей искреннюю благодарность за заботу. На это она просто ответила, что подрабатывает на острове экскурсоводом, так что пусть это будет частью её обязанностей — опекать приезжих.

Парни пригласили её присоединиться к ним на веранде и угостили бокалом калифорнийского вина из долины Напа. Правда, после долгой дороги оно всё ещё оставалось тёплым. Это было особенное вино, пережившее долгое путешествие через Атлантику и до сих пор хранившее в себе зной американского Запада.

Ариадни поинтересовалась, как ребятам вообще пришла мысль приехать на Гидру. Лео тут же увлечённо рассказал о том, какое глубокое впечатление произвела на него история супружеской пары Марден.

— А я, помимо любви к первозданной природе, по роду своей профессии, — добавил Райан и слегка смутился, — заинтересовался картиной Жюль Дассена «Федра». Этот фильм ведь не был продуктом стандартной голливудской студии. Дассен, будучи американцем в изгнании, внесённым в чёрный список, создавал тогда независимое, авторское кино. Он вложил в этот международный проект всю свою страсть, чтобы показать миру аристократический блеск греческой морской элиты прямо на фоне суровых скал Гидры.

Райан сделал глоток и перевёл взгляд на темнеющее море:

— Это мой любимый фильм. И Мелина Меркури в нём великолепна... Признаться, после этой картины я стал много читать о Гидре. Точнее — о старых семьях острова. Это ведь важнейшая составляющая не только местной, но и в целом истории всей Греции... Вы согласны?

Райан посмотрел на Ариадни и заметил, что она чуть взгрустнула. Девушка тихо кивнула.

— Спасибо, — почему-то поблагодарила она его.

— Ариадни, — вмешался Марк, стремясь отвлечь её от внезапных печальных мыслей. Видимо, и от него не укрылась тень, промелькнувшая в её глазах. — А откуда у вас такое прекрасное английское произношение?

Она улыбнулась: — Я классический пример гречанки из Нью-Йорка. Или, если хотите, американки греческого происхождения, которая живёт на Манхэттене.

— Да вы что?! — искренне изумился Марк.

— Да, я училась в университете Лиги плюща...

У парней от такого неожиданного поворота расширились глаза.

— В Колумбийском университете, — уточнила она с лёгкой улыбкой. — А сейчас работаю в сфере судоходства. Кстати, в Америке друзья зовут меня на греческий манер — Ариадни или просто Ари.

— При этом, как я понимаю, — мягко произнёс Райан, — вы совсем не забываете родину. Тот же кир-Михалис ворчал, что вы здесь знаете каждый камень.

— Конечно, — Ариадни слегка улыбнулась, но в её глазах снова промелькнула тень. Она взяла свой бокал, задумчиво повертела его в руках и с грустью посмотрела на гавань внизу.

— До недавнего времени и у нашей семьи здесь был свой особняк. Пожалуй, самый красивый на острове.

— Простите?.. — не понял Джулиан, переглянувшись с друзьями.

— Моя фамилия Криези, — тихо объяснила девушка. — Я из старой гидриотской семьи. Среди моих предков был адмирал Антониос Криезис, участник Греческой революции 1821 года. Но история — странная штука. В кино всё кажется вечным, а реальность куда прозаичнее. Ещё несколько лет назад у нашей семьи были ключи от большого каменного дома у порта. Мы владели им поколениями. Потом пришли долги, расходы, наследственные споры — и семье пришлось с ним расстаться. Иногда владеть историей оказывается слишком дорого.

— И кто его купил? — спросил Лео, подавшись вперёд.

— Иностранцы, — ответила она с чуть печальной улыбкой. — Люди, которые приехали на остров и увидели в нём своё будущее. Забавно и даже немного иронично, правда? Наша семья потеряла дом, а кто-то чужой построил в нём новую жизнь. Хотя, если посмотреть с другой стороны, деньги от продажи помогли мне уехать в Нью-Йорк и получить хорошее образование.

— Когда вы возвращаетесь в Америку? — вдруг спросил Райан.

Он поспешно придвинул своё соломенное кресло ближе к ней — настолько резко и взволнованно, что друзья понимающе заулыбались.

— А что так? — Ариадни с любопытством изогнула бровь.

— Нам по пути! — абсолютно серьёзно ответил Райан и высоко поднял свой бокал. — Я мас! За здоровье!

Это греческое приветствие прозвучало из уст долговязого американца столь неожиданно, что парни дружно загоготали, на миг забыв о присутствии дамы. Ариадни тоже не выдержала и звонко рассмеялась, глядя на смущённого, но довольного Райана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.